

Андрей Кобяков: Добрый день, дорогие друзья. Начинаем нашу панельную дискуссию, круглый стол № 1 «Идеология, образ будущего и цели развития». Нам бы хотелось провести эту сессию, может быть, в несколько необычном ключе. Обычно, когда говорят об идеологии, начинают излагать какие-то стройные, не противоречивые программные тезисы, отношения собственности, еще много чего там может быть. Но дело в том, что мы живем в настолько сложное, переломное время, когда насуточно необходимо иметь представление о целях развития, необходима консолидация общества вокруг этих целей. Поэтому хотелось бы, чтобы разговор получился именно конструктивным. В ключе обсуждения образов будущего со всеми возможными компонентами.

У нас сегодня интересный состав спикеров. Все это люди уважаемые, много лет занимающиеся и проблемой футурологии, и идеологическими проблемами, проблемами философскими. Я позволю себе представить участников нашего круглого стола. Сергей Борисович Переслегин — писатель, прогностик, военный историк, директор Центра управления знаниями международного научно-исследовательского института проблем управления. Александр Владимирович Щипков — доктор политических наук, кандидат философских наук, ректор Российского православного университета имени Иоанна Богослова, и множество других регалий у этого заслуженного человека. Михаил Витальевич Ремизов — кандидат философских наук, президент Института национальной стратегии.

Борис Алексеевич Акимов — предприниматель, активный энтузиаст развития различных проектов в России, и в частности, руководитель и автор проекта «Большая земля», и проекта «России 2062». Недавно вышла книга, я думаю, он ее тоже нам презентует в двух словах. Максим Александрович Калашников — известный писатель-футуролог, публицист, общественно-политический деятель, мой друг на протяжении более 20 лет. Вести сегодняшнее мероприятие будем мы вдвоем: моя коллега Маринэ Варужановна Восканян и я, Андрей Кобяков. Мы представляем оргкомитет Московского экономического форума, сами тоже не чужды проблем идеологии, и тоже, наверное, скажем несколько слов о нашей работе.

Я бы хотел без лишних слов, потому что, мне кажется, в специальном дополнительном введении мы не нуждаемся, может быть, разве что, я хотел бы огласить некоторый набор вопросов, которые зададут нам, скорее, вектор или дискурс обсуждения. Я так накидал штук пять. Необязательно, что все нам удастся обсудить, но тем не менее, какую-то канву для разговора они, конечно, создадут. Первый вопрос звучит так: «Постмодерн, противоречивость идей прогресса, трансформация социума, изменение человека. Какую специфику в этих условиях приобретает идеология?»

Второй вопрос: «Точка сборки: образ врага или образ привлекательного будущего?» Третий вопрос: «Эффективность и безопасность. Как соотносятся эти понятия с точки зрения целей развития, представляют ли они из себя какое-то диалектическое единство или противоречие?» Четвертый вопрос: «Возможно ли справедливое, солидарное общество? Каковы его черты и пути достижения?» Пятый вопрос, несомненно, является рамочным

вообще для всех таких дискуссий. «Как гармонизировать общие цели и задачи развития с коллективными, сословными, личными и прочими интересами, чтобы это было действительно и общее дела, и цели развития нашего социума в целом, нашей страны, нашей цивилизации?» После этих слов я хочу попросить Сергея Борисовича Переслегина открыть нашу сегодняшнюю дискуссию. Передаю вам слово Сергей Борисович. Давайте постараемся укладываться в семь-восемь минут в первый круг выступления, после чего попробуем коротенький обмен мнениями, комментариями, дискуссию в качестве второго раунда.

Сергей Переслегин: У меня нет никакой возможности говорить, кроме как от лица прогностики. И в данном случае, наверное, на все эти вопросы я буду отвечать именно с точки зрения нашего особого цеха. Я начну с того, что прогностика очень спокойно и очень формально относится к понятию идеология. Во-первых, прогностика полагает, что идеология есть всегда, не бывает не идеологических обществ. Другой вопрос, что идеология может рефлексироваться, то есть пониматься, что она является идеологией, существует и определяет соответствующие форматы поведения, и она может не рефлексироваться совсем. Надо сказать, что рефлексироваться она или не рефлексироваться, идеология всегда занимает очень скромную позицию.

Идеология это всегда превращенная в форму онтология. Есть онтология, есть картина мира, есть образ мира, включающий образ настоящего, образ будущего, представление о прошлом, представление об ином и о новом, представление о развитии, представление о структуре мира, которое так или иначе осуществляется с данной цивилизацией, с данной культурой, с данной нацией в той или иной страте ее существования. Для того, чтобы иметь в своем распоряжении онтологию, нужно ежедневно проводить онтологическую работу. Работу тяжелую, мучительную.

Я не скажу, что она для большинства неприемлема или невозможна. Она вполне возможно и приемлема, но очень сложна и отнимает массу времени. Поэтому возникает естественный протез онтологии — идеология. Если хотите, это онтология для масс. Онтология, которой можно учить, и которую можно произвольно транслировать и передавать. В этом плане она крайне важно, ибо на самом деле идеология, онтология — это разворачивается и восстанавливается целиком. С другой стороны, еще раз подчеркну, она достаточно проста, и занимает вспомогательное место, второе место.

Если мы говорим о том, что онтология является той реальностью, в которую человек погружен, находясь здесь, в данное время, в данном месте, то нужно иметь в виду очень простую и очень неприятную вещь. Образ будущего, в котором ему приходится жить, практически полностью определяется онтологией. Мы будем рассматривать в основном три онтологические позиции, три стороны онтологии. Первая, самая простая, это словарь. Это набор слов, набор понятий, которые важны для понимания мира, через который вы описываете мир. Второе это то, что я бы назвал дизайном, причем не в российском, а в англоязычном смысле этого слова — дизайн как конструкция мира, конструкция связей,

все, что заставляет вас понять, как этот мир работает во всех его аспектах: от вселенной до человеческих отношений. И третья, наиболее сложная составляющая — тут уже немецкий термин *design*, принадлежащей Хайдеггеру, это, собственно, онтология как бытие, как человек вписан в бытие мира, как бытие мира включает в себя человека.

Из этих трех сторон наиболее понятной и наиболее естественной для работы является дизайн, то есть, собственно, каким образом мир обустроен. Считается, что есть всего три предельные онтологии, которые могут ответить на все онтологические вопросы. Это онтология Бога, онтология природы в ее версиях, онтология вселенной и онтология науки. И то, и другое есть некая редукция онтологии природы, несколько более простая версия, если так можно выразиться, некоторая идеологизация онтологии природы.

Теоретически есть онтология мышления. Это ситуация, когда вы не делаете априорных предположений о творности или не творности мира, о его вечности или его исчезновении, и пытаетесь рассматривать мир исключительно в позиции мыслеконструкций. Почему я говорю «вероятно», потому что онтология мышления до конца не успела возникнуть. В какой-то мере она оказалась жертвой серьезнейшего конфликта XVII века между онтологией науки и онтологией Бога.

Бывает так, что нейтралы страдают сильнее всех. Имея это в виду, сразу скажем простые вещи. Совершенно понятно, что образ будущего для того, кто относится к онтологии Бога, довольно прозрачен: это иная земля и иное небо. Понятно, что на данный момент времени онтология мышления не создала своего образа будущего. Понятно также, что остальной мир, весь Запад, свои образы будущего выстраивал в логике даже не онтологии природы, а онтологии науки. К чему это привело? Скажем так, позитивно. К очень быстрому резонансному прогрессу. Мы можем говорить об изменении мира с середины XIX по начало XX века, как о классическом резонансном взлете. И разумеется, таким же коротким, как и любой другой резонанс.

Второй момент. Мы должны говорить здесь о том, что возникший технологический взлет никогда не был проработан мыслительно, никогда не был до конца проработан онтологически, что вызвало представление о противоречивости прогресса. На самом деле, достаточно ошибочное представление, поскольку, как показывает опыт даже последних лет, с прогрессом расстаться не готов никто. А тем самым, вряд ли его можно рассматривать как ошибочное действие. А вот неотрефлексированное, непонятое, не приспособленное к миру, не создавшее собственных образов — это да.

И мои последние две минуты. В рамках научного подхода у нас имеет место быть несколько возможных основных картин мира. Первая — это предметный или объект-субъектный подход. Здесь исследователь субъект, а то что он видит, изучает и смотрит, это объект. В рамках объектного подхода у нас есть образ будущего, кстати, российский, советский. Это Кардашев, конструкция «Сверхцивилизация». Надо по этому поводу заметить, что например, концепция «Индустрия 4.0», «Люди и роботы» в японской версия, трансгуманизм, власть искусственного интеллекта и прочие версии не человеческого

будущего, это вообще-то резко ослабленная версия «Сверхцивилизации» Кардашева. И с этой точки зрения ничего особо интересного из себя не представляют.

На Западе наиболее существенен, наиболее важен системный подход. Системный подход, будучи претворен в мир, продемонстрировал, что не может предложить никакого позитивного будущего. Зато он может предложить по списку: экологический кризис, инклюзивный капитализм как ресурсный кризис, любые формы солидаризма, цифрового фашизма и так далее, и наконец, концепцию конца истории. То есть вы ни о чем не думаете, вы уже живете в образе будущего, и другого будущего уже не будет. Что любопытно, этот вариант модели мира в средовом подходе переходит в матрицу, или в так называемый мир социальных тканей.

Что здесь может предложить Россия? На самом деле очень немного, но достаточно важное. Мы считаем, что современным подходом является не системный, не средовой, а сферный. И в сферном подходе мы видим такое будущее как сложный мир. Мир сложный, связанный, очень противоречивый, пересыщенный развитием, пересыщенный внутренними зависимостями и подробностями. Но для меня самое принципиальное, и на этом я закончу свое выступление, что этот мир, в котором на место базовой эмоции страха, характерной для всех существующих до сих пор обществ, становится базовая эмоция интереса. Это еще не эмоция любви, которую предлагает онтология Бога, но это уже и не эмоция страха, которую предлагает онтология природы.

Андрей Кобяков: Спасибо, Сергей Борисович. Я думаю, прекрасное выступление для того, чтобы придать философское начало нашему разговору.

Маринэ Восканян: Я бы хотела передать слово уважаемому Александру Владимировичу. И перед этим, если он позволит процитировать несколько слов из его, на мой взгляд, наиболее интересного труда, который называется «Социал-традиция».

Дело в том, что как раз нам сейчас Сергей Борисович обрисовал целый ряд концепций, которые направлены в некое технологизированное будущее, или в котором даже нет человека. И конечно, очень серьезным вопросом для людей, которые пытаются это осмыслить, остается, где же там будет человек? А понять это, выкидывая за скобки представления, которые уже существуют в каждой культуре об этом, невозможно. Вы писали, что традиция это не эпоха, не обряд и не привычка. Это культурно-нравственный договор поколений, метод передачи образа мыслей, образа социального поведения. Это основной социальный капитал народа, который обеспечивает сохранность его исторической судьбы. Вот в этом контексте хотелось бы услышать вашу версию связи образа будущего и идеологии, которую мы сегодня обсуждаем.

Александр Щипков: Спасибо большое. Добрый день, уважаемые коллеги. В отведенные семь минут, очень сжато и кратко. Первый вопрос. Что такое идеология и как ее отличить? Проблема в том, что у нас над идеологией, такое ощущение, что работают все и не работает никто. Дело в том, что, если я не путаю, в стране остался один-единственный

диссертационный совет, где защищают диссертации по теме идеологии. Еще лет пять назад их было около двадцати. Их систематически закрывали, один за одним. Создавалось ощущение, что делают все для того, чтобы мы не изучали, что такое идеология. А когда говорят, что можно жить без идеологии — знаменитая 13-я статья — понятно, что это полная ерунда, потому что во второй статье Конституции у нас написано, что главным мерилom является человек. А это абсолютно либеральная конструкция.

Следовательно, у нас в Конституции закреплена либеральная идеология, такой либеральный дискурс. Могут быть другие конструкции. Главной ценностью мог быть не человек, а народ, не народ, а Бог — разные могли быть варианты. Человек — это либеральная конструкция. Для того, чтобы легче было понять, что такое идеология, я обычно всегда предлагаю сравнивать с идентичностью, потому что эти понятия вроде бы близкие, но на самом деле разные. Потому что идентичность отвечает на вопрос «какие мы», и мы пытаемся описать свое общество, народ, нацию, а идеология всегда отвечает на вопрос «какая цель, куда мы идем».

Если вот так подходить к идеологии, тогда становится ясно, в какую сторону можно двигаться, какие там могут быть у нас варианты. В 2012 году, во время попытки «оранжевой» революции, или «Болотной», как у нас ее называли, на самом деле произошел слом — даже в 2011 году, чуть раньше, вот эта конструкция начала ломаться. Если вы вспомните, это в 2011-2012 годах понятие либерализм имело положительную коннотацию. Сегодня абсолютно отрицательную. Прошло всего 10-12 лет. Куда же стали двигаться?

Если присмотреться, то стали двигаться в очень необычном направлении. Причем, речь идет и об интеллектуалах, которые размышляли на эту тему, и об элитах. С одной стороны, начали развивать идею справедливости, социальной справедливости, что у нас справедливое общество. Какое общество мы хотим? Мы хотим справедливое общество. Но дело в том, что справедливое общество мы один раз уже построили, и начали строить его большевики в 1917 году. И народ поддержал большевиков, именно поэтому они выиграли, а не по какой-то другой причине. Народ поддержал. Поддержали почему? Потому что большевики пообещали построить царство справедливости. И в общем, если быть честными, где-то к концу 1970-х годов худо-бедно построили социальное государство. Не очень справедливое, но, тем не менее, социальное государство построили.

А в 1991 году очень быстро разрушили. Почему так мало просуществовала вот эта идеологическая модель, построенная только на тяге к справедливости, только на справедливости? Потому что не хватало второго компонента, который присущ русскому народу, без которого не обойтись. Это традиция. Это как раз то, о чем мы сейчас уже начали говорить. И действительно, в 2017 году я выпустил книжку, которую назвал «Социал-традиция».

Социальный традиционализм. Просто кратко назвал «Социал-традиция». Моя мысль прошла в следующем направлении. Я думаю: «Нам нужно соединить левое и правое,

потому что левое и правое всегда воюют между собой, левое и консервативное. А давайте попробуем соединить, потому что в русском человеке соединяется каким-то образом органическим и стремление к социальной справедливости, и стремление к традиции». Никак мы не можем принять все новации в культуре, биологии, трансгуманизм — не приживаются все эти вещи в России. И где-то после 2012 года я стал наблюдать за тем, как и снизу и сверху появились попытки сочетать несочетаемое, левое и консервативное.

Единственное, слово консерватизм довольно расплывчатое, потому что не всегда понятно, что мы можем консервировать. Консервировать можем самые разные идеологии. Вон Фукуяма предложил законсервировать либерализм, и написал книжку «Конец истории». Все, история кончилась, теперь либерализм навсегда — собственно, главная мысль Фукуямы была, самый смешной философ XX - начала XXI века, все развалилось, все его конструкции оказались совершенно нерабочими. А вот конструкция, где мы можем сочетать социальное и консервативное, которое мы сейчас стали называть не консервативным, а традиционалистским...

Появилось понятие традиционные ценности. Его 10 лет назад еще не было, а сейчас на слуху, мы им легко жонглирует, оно в обиходе у нас. Поэтому мне кажется, что будущее где-то в этом направлении. И действительно, традиция это же не фиксация какой-то эпохи, какого-то стиля. Это метод передачи социального опыта: культурного, религиозного, исторического, военного опыта, промышленного опыта — самых разных опытов, от отца к сыну. И вот этот метод передачи и есть традиция. Традиция это вещь очень живая, динамическая.

Забыл сказать. Книжки толстые сейчас некогда читать, и я буквально на днях подготовил краткий пересказ этой книжки (уже все-таки несколько лет прошло), в таком современном изводе, на 50-70 тысяч знаков. Очень коротко, с объяснениями, с рассуждениями о социал-традиции для того, чтобы спровоцировать более широкий разговор. Очень простым языком пересказано, не академическим, для того, чтобы это можно было обсуждать не в академических кругах, а в публицистических и журналистских кругах, потому что мне кажется, что сейчас самое время вот это обсуждение идеологического будущего выносить на площадь, в переносном смысле — в самую широкую аудиторию. И тогда мы сможем получить какой-то интересный результат.

И последнее. Очень важная составляющая это культура. Обратите внимание, у нас сейчас пошел очень интересный процесс, который касается не чисто аппаратных вещей. У нас стали менять руководителей культурных заведений — первые это «Пушкинский» и «Третьяковка» — которые делали все для разлома русской культурной традиции. И вот это тенденция на смену, это не просто смена одного чиновника на другого. У меня такое ощущение, что это смена будущей культурной парадигмы, и на это я тоже хотел бы обратить внимание.

А там, в этой парадигме, есть основные понятия. Это понятие пространства. Обратите внимание, они постоянно говорят: некое пространство — музейное, театральное,

кинематографическое. Нас все время пытались эти деятели погрузить в некое очень странное, непонятное пространство, не объясняя, что это такое. Хотя пространство это зеро, ноль, пустота. И актуального — не актуального, современного — не современного, то есть в категорию времени. И вот он двумя категориями времени и пространства очень интересно манипулировали. Это такая тема, которая требует отдельного обсуждения. Может быть, мы еще этого сегодня коснемся. Спасибо.

Андрей Кобяков: Спасибо, Александр Владимирович, чрезвычайно ценное и актуальное выступление, с очень многими позициями согласен полностью, конгруэнтно. Единственно, выступил бы в защиту слова консерватизм.

На мой взгляд, упреки немножечко с элементами максимализма. Традиции тоже бывают разные, как и консерватизмы бывают разные. И ничего удивительного в том, что например, в британском обществе как родине мирового либерализма, консерватизм имеет либеральный характер. В России он будет совершенно другим, потому что основания общества, его принципы, его ценности другие. Поэтому мы и консервируем те самые традиции. Я думаю, что это практически знак равенства все-таки. Во всяком случае, защитить этот термин мне бы хотелось, в том числе, из прагматических соображений, поскольку я вложил довольно много в развитие этого термина в России.

И одним из соратников, соавторов, одним из ярких представителей этого направления все это время был Михаил Ремизов, с которым мы начали сотрудничать еще со времен подготовки русской доктрины в 2005 году. Затем мы принимали участие в написании совместного доклада о консерватизме как мягкой силе в России. Во всяком случае, этот человек довольно много сделал для развития современных идей о российском консерватизме. Я хотел бы, передавая ему слово, в то же время прокинуть такую — не провокационную, а просто подачу такую тезисную. Ведь когда мы говорим о традициях, почему-то возникает ощущение, что это что-то относящееся к весьма далекому, очень глубоко укорененному, а соответственно, очень древнему.

В то же время, мне кажется, и для вас, мне кажется, это тоже очевидно, судя по нашим предыдущим беседам, встречам, что есть еще и ценности модерна, которые как бы нам не выплеснуть с водой и драгоценного ребенка. Там же очень много достижений, с которыми расставаться, на мой взгляд, совсем бы не хотелось. Поэтому само представление о консерватизме и традиции приобретает в нынешних обстоятельствах, в эту эпоху воинственного постмодерна, я бы сказал, переходящего уже в контрмодерн с элементами фашизации и так далее, полной деградации сознания — есть что защищать и в модерне. Вам слово, Михаил Витальевич.

Михаил Ремизов: Спасибо, Андрей Борисович. Я, чтобы оправдать ваш анонс, постараюсь внести какие-то консервативные элементы в свое выступление, может, ближе к концу. Идеология начинается, на мой взгляд, с анализа исторической ситуации. Так же как образ будущего начинается с настоящего. Главное, что надо знать об образе будущего, это, то, что будущее всегда чье-то. Если мы хотим, чтобы это было наше будущее, тоже мы должны

начинать с аналитики нашего настоящего. И ключевой факт нашего настоящего, на мой взгляд, состоит в том, что наша государственность проходит тяжелейшее испытание на прочность с не предрешенным исходом. В этой ситуации любая система тяготеет к тому, чтобы опираться в критической ситуации на уже сложившиеся системные связи.

Мы видим, что так реагирует и российская система — власть и государственная система. Это опора на неприкосновенность ключевых фигур, системообразующих, со своими административными, аппаратными вотчинами. Это опора на неприкосновенность интересов в целом крупного, сверхкрупного частного бизнеса, причем, независимо от его политической позиции. Это ставка на сложившиеся методы и системы управления. Я не говорю, что это плохо. Я констатирую просто. Потому что я прекрасно понимаю, что в критической ситуации хочется делать ставку на то, что уже работает, хочется выезжать на том, что уже едет.

Но это хорошо, если критическая ситуация ненадолго, если, условно говоря, надо ночь простоять и день продержаться. Мы сейчас видим, что критическая ситуация, в которой мы оказались, то есть ситуация, по сути, борьбы за выживание государственности, носит, как минимум, среднесрочный характер. Потому что проект по демонтажу российской государственности тоже носит долговременный характер. И это заставляет по-другому посмотреть на баланс старого и нового, которое может и должна позволить себе система. Условно говоря, если у нас сдувается колесо, то можно доехать до ближайшего шиномонтажа, но нельзя доехать до дачи.

Мы должны будем осуществлять свою собственную пересборку ситуации вот этого критичного, невероятного, внешнего давления и большого количества вызовов, больших и маленьких, от тяжелых ударов до комариных укусов — все сразу. И мы должны будем осуществлять свою пересборку в этой ситуации. Поскольку наша тема идеология, я пытаюсь взглянуть на баланс вот этих инерционных моментов и поиска нового именно в идеологических терминах, в идеологической сфере. В идеологической сфере постсоветская Россия держалась с 1990-х годов на двух столпах. Не претендую на исчерпывающее описание, но эти два столпа очевидны, их не обойти. Первый — это идеология для масс, это постсоветская ностальгия. Второй столп — это идеология для элит, это глобализм.

Мой тезис состоит в том, что в критической ситуации система пытается по-прежнему опереться в идеологической сфере на эти два столпа. Возьмем сначала постсоветскую ностальгию. Прежде всего, не стоит ее путать с какими-то версиями на тему неосоветских проектов, потому что в ней вообще нет проектной составляющей. Не стоит ее путать с реальным историческим опытом СССР, потому что она представляет собой постмодернистскую стилизацию, стилизацию, которая родилась именно в 1990-е годы, и хорошим, наглядным выражением которой являются «Старые песни о главном». Первая стихийная реакция — даже не власти, общества, и медийной машины тоже — на критическую ситуацию состояла в том, чтобы поставить «Старые песни о главном» на максимальную громкость: мы же дружили, деды воевали, бабушка с флагом.

Если задача состоит в том, чтобы избежать паники в обществе, цепляясь за элементы привычной картины мира, то это может сработать. Аутическая реакция на опасность цепляться за расписание дня, за элементы привычного порядка. Это позволяет в моменте избежать паники. Но если опасность долговременная, реальная и требует твоего собственного напряжения, такая стратегия не работает, это не позволит не только победить, но не позволит даже выжить исторически.

Теперь второй элемент, глобализм. Казалось бы, какой глобализм после того, как связи с Западом обрубаются, причем с той стороны очень жестко. То, что подстраивается сейчас под эту реальность, я называю системой глобализм минус. Глобализм минус Запад. Какой наш главный рефрен в новой реальности? Россию нельзя изолировать от мира. Вы не гоните в дверь, мы пролезем в окно, вы обрубите нам трубопроводный газ, мы будем возить вам сжиженный, вы не дадите нам прямые логистические поставки, мы сделаем кривые логистические поставки.

Понятно, что в моменте, для выживания, нужно заниматься и сохранением экспорта сырьевого, и сохранением импорта — и потребительского, и промежуточного, инвестиционного. Всем этим нужно обязательно заниматься. Но как ставка долговременная это не работает. И как моральная установка себе — власти и обществу — это тоже не работает. Моральная установка должна состоять не в том, что Россию нельзя изолировать от мира, а в том, что Россия сама целый мир, который может жить своим умом, своим трудом.

Я опасаясь того, что сегодня — то, что мы видим эту попытку выстроить модель «Глобализм минус», и просто сохранить, во что бы то ни стало, сырьевой контур экспортно-ориентированной экономики, это не тактическая ставка, это стратегическая ставка. Самый простой способ проверить это — проанализировать инвестиционный портфель страны. Если мы возьмем крупные проекты, которые поддерживают разные отрасли промышленности — то есть чистую инфраструктуру вынесем за скобки, очень много вкладывается в инфраструктуру, и будет вкладываться еще больше — то мы увидим, что в будущее экономики вывоза сегодня вкладывается больше, или планируется вложить больше, чем в машиностроение.

Хороший пример — это проекты в Арктике. У нас целевой ориентир 80 млн тонн грузопотока на Северном морском пути в 2024 году, 150 млн тонн в 2030 году. Его не отменили, Андрей Борисович, его подтвердили. А это что значит? Это прежде всего сжиженный природный газ, нефть, уголь. Сжиженный природный газ, который даже на бюджетную эффективность не работает, потому что «Новатэк» действует в особых налоговых режимах. А для того, чтобы выйти на эти показатели как можно быстрее, необходимо закупать и строить импортные сюда. И сегодня «Росатом» уже говорит о том, что будет заказывать их на турецких и китайских верфях, необходимо делать ставку на китайское оборудование, в том числе, которое обеспечит замещение технологии СПГ. Для

чего? Чтобы мы могли не только завтра, но и послезавтра, и послепослезавтра качать и вывозить.

Андрей Кобяков: Михаил Витальевич, регламент, время летит быстро за этими интересными беседами.

Михаил Ремизов: У меня все время ушло на критику, на конструктивную часть, как обычно, ничего не осталось. Я сформулирую только два таких концептуальных образа, которые, как мне кажется, позволяют схватить некую альтернативу этим двум вещам: постсоветская ностальгия и глобализм минус. Альтернативой постсоветской ностальгии является концепция, которую во многих выступлениях сейчас начинает нащупывать президент. Это концепция исторической России. Историческая Россия это не другой контур границ, это другой контур легитимности. Это то, что дает России смотреть на свое прошлое и на свое настоящее глазами хозяина. Это то, от имени чего можно говорить о своих правах и притязаниях на постсоветском пространстве. Это то, во имя чего можно вести борьбу за выживание.

Удивительно, насколько эти сигналы, которые в выступлениях президента есть из раза в раз, слабо поддерживаются системно — на уровне масс-медиа, на уровне системы воспитания, образования, пропаганды и так далее. Очень слабо. И второе. Вместо концепции модели глобализм минус, нам, конечно, нужно осмысливать Броделевскую формулу, которую Андрей Борисович часто цитирует, «мир-экономика».

Это не экономика, в которой нет экспортно-импортных взаимосвязей, а это экономика, в которой они имеют меньшую долю, пропорционально, и в которой их обрушение не будет приводить к коллапсу. И в этом смысле позитивный образ будущего России, это образ страны, которую нельзя выключить извне. Но для того, чтобы его реализовать, нам с вами предстоит еще работать и работать. Спасибо.

Маринэ Восканян: Далее мы хотели бы передать слово Борису Алексеевичу, но я позволю себе предварить его выступление небольшой ремаркой. Дело в том, что этими вопросами, которые мы сейчас обсуждаем, такими сложными, философскими, вроде бы кажется, что должны задаваться люди, которые являются в них серьезными специалистами. Это ученые, это философы, это политологи. Но Россия такая удивительная страна, в которой на самом деле все и всегда все равно размышляют о ее судьбе. Есть такая шутка, что если русские, несколько человек, где-нибудь за границей напьются, другие начинают футбол обсуждать, хобби, еще что-то, а русские с определенной стадии обязательно начнут обсуждать судьбу Родины. Вот так шутят про русских.

Я не хочу умалить ничем представителей других стран, но есть такая особенность, что у нас люди, независимо от своей профессии, рода деятельности, пытаются искать ответы на эти вопросы. Почему я это говорю именно сейчас? Вот Борис Алексеевич уже понял. Потому что Борис Алексеевич является бизнесменом, но тем не менее, он попытался создать такой проект — и книгу, и проект — в котором он пытается со своими единомышленниками

ответить на вопрос, каким же должно быть будущее нашей страны. И я хотела бы тогда его попросить, может быть, во-первых, рассказать, как получилось, что вы решили этим заняться. И что на данный момент вам видится в ходе этих многочисленных изысканий как бизнесмену, как человеку, который находится в среде активных людей? Как вам видится, что думает этот класс активных людей России об идеологии и об образе нашего будущего?

Андрей Кобяков: И пожалуйста, Борис Алексеевич, заодно сделайте рекламу вашей книги, продемонстрируйте ее. Воспользуемся ситуацией. Здесь все люди очень заинтересованные, и будут вам благодарны за это.

Борис Акимов: Большое спасибо, тем более, что это уже традиция. Мы же говорим, что традиции важны для того, чтобы будущее построить. Если традиция сказать про книжку, то да, она только что вышла, пару месяцев назад. Называется «Россия 2062. Как нам обустроить страну за 40 лет». Я позволю себе переключку с тем, что господин Ремизов говорил делать. Мы действительно, преодолевая сейчас эти сложности, которые возникают, все время рассказываем, что рушится традиционная глобальная логистика, но мы построим какую-то другую, все время рассказываем, что мы преодолеем каким-то способом.

Это каждый раз напоминает построение коммунизма в отдельно взятой стране. Мы говорим, вот это капитализм какой-то, но будет не хуже. Это будет Coca-cola, но называется «Добрый». Тот же Биг Мак, только по-другому называется. И McDonald's тоже останется, но только будет называться по-другому. И «здорово», я помню, что один из чиновников достаточно крупных, говорит: «Я не вижу ничего страшного по поводу того что McDonald's уходит из России. Мы сделаем еще лучше бургеры, натуральные. И Coca-cola у нас будет еще лучше». Ему не приходит голову, что, может быть, есть какие-то иные формы еды и напитков, гораздо более свойственные нам, чем бургер и Coca-cola.

Мало того, стратегически это всегда проигрышная позиция, потому что это означает, что мы говорим: «Мы сделаем не хуже, может быть, лучше, как вы, но только мы будем за забором находиться за каким-то. Но будем такие же примерно, как и вы». А кому интересен образ будущего не только с точки зрения внутреннего потребления, жителей, нас самих, но и внешнего? Кому интересно жить в каком-то подобии чего-то? Вот есть оригинал, глобальный капитализм, а есть какая-то копия: капитализм глобального типа, но построенный в отдельно взятой стране. Это достаточно, если совсем мягко сказать, скучно, малоинтересно.

Сейчас еще одну переключку с вашим выступлением по поводу традиций и прогресса. Мне пришло в голову, я вспомнил цитату Владимира Соловьева, философа начала XX века. Даже цитата такая, присказка, сказка, что ли. Он рассказал народную сказку в своей интерпретации. Что пошел молодец в лес, надо перейти через этот дремучий лес, он идет, идет, все сложнее и сложнее, какое-то болото, и очень сложно пройти. И стоит на болоте почему-то какая-то бабка — старая, дряблая, сейчас развалится. И она говорит: «Добрый

молодец, ты меня перенеси, пожалуйста, через это болото. Мне надо туда же, куда и тебе». И он понимает, что он один-то не дойдет, а тут бабка, но что делать.

И он ее сажает в себе на плечи, и идет через это болото. Сначала ему кажется, что просто он должен помереть, погибнуть под этой тяжестью и сложностью перехода. Потом, чем дальше он идет, все становится легче, легче, легче. И в конце, когда он приближается к берегу болота, он чувствует, что не несет эту бабку, а как будто она его поднимает, он парит, он несется куда-то на тот берег. Когда он приземляется, оказывается что это никакая не бабка, а прекрасная юная девушка, с которой он соединяет свою судьбу, и они идут вместе.

Соловьев говорит: «Вот это и есть прогресс, когда мы берем древнее, старое, и несем вместе с собой в будущее». Только тогда можно построить будущее устойчивое, с одной стороны, а с другой стороны, по-настоящему, в натуралистическом смысле, симпатичное. Чувствовать в ней ту самую традицию свою, которая тебя делает самим собой не в момент ретрита, медитации, занятий своим психическим здоровьем за большие деньги, а потому, что ты живешь настоящей жизнью здесь и сейчас. В принципе, все люди, живущие на земле, так или иначе хотят оказаться именно в таком будущем, а не в таком, где летают роботы, доставка бесконечная. Это, может, и есть или нет, это второй вопрос. Вопрос, где человеческое счастье, которое здесь и сейчас?

Я только что из них из Нижнего Новгорода вернулся. У них есть кофейня, называется «Сладкий Горький», и там висит цитата Горького: «Жизнь это всегда сейчас». Мы же хотим жить в таком будущем, в котором будем жить сейчас. Не в бесконечной думе о том самом будущем, а наслаждаться жизнью прямо здесь и сейчас, понимать, что мы на своем месте находимся.

Для этого оно должно быть таким устойчивым, которое мы пытаемся найти в этой книжке, и вообще в рамках нашего проекта «России 2062». Сериал тоже сейчас выходит, восьмисерийный, документальный. Если совсем кратко об этом сказать, то это такая, можно сказать, практическая утопия. Мы, с одной стороны, говорим о каких-то достаточно парадоксальных мыслях на тему будущего России, в которой мы хотели бы жить через 40 лет. В начале с моими коллегами, товарищами, с которыми мы все это начинали, поставили себе вопрос, а где мы хотим жить сами. Не потому, что нам футурологи обещают, не потому, что нам говорят об этом по телевизору, или какие-то умные книжки, а где мы хотим жить, с одной стороны.

С другой стороны, это не просто фантазия, мы всегда берем какой-то практический опыт, каких-то людей, которые это будущее прямо здесь и сейчас строят. Достаточно много уделяем внимание теоретической какой-то базе, философской, в первую очередь, которую мы находим в истории русской философии. И здесь уместно вспомнить, наверное, что такое эволюция. Нам говорят: «Выживает сильнейший». Но на самом деле вся эволюция говорит не об этом. Если бы выжили сильнейшие, мы были бы до сих пор рыбами. Рыбы вышли из океана на берег, потому что выжили не сильнейшие, а выжили, условно говоря, мутанты.

Также и с точки зрения эволюции идей. Идеи всегда выживают не те, которые сейчас в мейнстриме, а те которые, зародились где-то в маргинальном поле. Они могут сейчас казаться почти незаметными, а в какой-то момент они проявляются, и сила их невероятным образом начинает увеличиваться — быстро, медленно, по-разному. Но это каждый раз именно так. В каком-нибудь январе 1917 года, представляете, государь-император Николай Александрович, Российская империя, более 300 лет Романовы. Да, идет война, но она достаточно далеко. У нас были и до, и потом пострашнее войны.

Но если бы кто-нибудь сказал: «Вы знаете, через год не будет страны, будет гражданская война, не будет частной собственности, потом начнутся колхозы, репрессии. Вся жизнь полностью изменится». Этот человек был бы признан полусумасшедшим. А потом, буквально через несколько месяцев, все происходит именно так. И каждый раз человеческая история вообще, и в частности русская история, мы сталкиваемся с тем, что будущее всегда парадоксально по отношению к настоящему.

Но оно возникает не из ниоткуда. Оно возникает из того, что набирает силу в гуманитарном дискурсе набор идей, или какой-то идеологии, который начинает казаться симпатичным большому количеству людей. Даже тогда, в Российской империи, которую я нежно люблю, но, тем не менее, понятно, что огромное количество людей были очарованы левыми идеями. И казалось, что мир, который их окружает, несправедлив, а есть что-то лучше. То же самое произошло с Советском Союзом, когда... Понятно, что есть какие-то объективные причины, типа нефть, шпионы и водка. Но на самом деле, большинство живших в России, в СССР тогда, были очарованы идеей западной демократии, именно это очарование сработало. Можно сказать, что в книжке, в этом проекте, мы претендуем на то, чтобы создать образ России будущего, который, может быть, очарует достаточно большое количество людей для того, чтобы потом материализоваться, если не во всей красе этого образа, но частично хотя бы. Спасибо.

Андрей Кобяков: Большое спасибо, Борис Алексеевич. Вы человек очень скромный. Я крупно на экран попросил бы камеру вывести вашу книжку. Прошу, покупайте, читайте, это книга Бориса Алексеевича с соавтором. Большой проект, чрезвычайно важный. Раз сегодня о книжках, то совершенно не случайно у нас присутствует писатель-футуролог Максим Калашников, мой давний друг. Наверное, больше двадцати лет мы уже плотно дружим, работаем совместно, периодически являемся соратниками по многим проектам. Во-первых, не буду рекомендовать и рекламировать его книжки, потому что это невозможно. У тебя сколько их уже, больше трех десятков? Одной больше, одной меньше, что их рекламировать, они и так продаются супертиражами, поэтому в рекламе не нуждаются, как говорится. Но в силу того, что мы так давно знакомы, я примерно попробую тоже тебе некоторую подачу сделать для твоего выступления.

Мы говорили сегодня и о прошлом, и недавнем прошлом, о модерне, постмодерне, контрмодерне. Но я знаю, что ты один из немногих, кто по собственной инициативе продвигает идею сверхмодерна. Твое видение будущего в этом смысле, конечно, с

определенным романтическим ореолом, но выглядит вполне реалистично. Мне кажется, очень важно было бы, чтобы ты дополнил наш сегодняшний разговор.

Максим Калашников: Спасибо, друзья. Я поправлю. Мы с друзьями придумали такое название нейромир — общество, устроенное по типу нейронной сети головного мозга. Ты вот назвал супермодерн. Если говорить в общем, сейчас нам нужно для создания своей идеологии, для создания образа будущего, очень сильно включать воображение. Очень многие говорили, что помимо знаний и интеллекта, очень важно именно воображение. Но сейчас надо включить оба полушария головного мозга. Я сужу, может быть, с каких-то злободневных позиций.

Потому что вот Российская Федерация сегодня. Она первой подняла вопрос о многополюсности мира, но она же первая рискует в этом многополюсном мире исчезнуть. Это самый слабый полюс на сегодня. Поэтому в рамках обычной аналитической стратегии, рациональной, у Российской Федерации будущего нет. Я не имею в виду нынешнюю войну, которую уже президент Российской Федерации назвал войной. Выиграть эту войну сама по себе нетривиальная задача. Потом надо будет жить многие годы в условиях очень жестких стесняющих санкций. Это тоже неизбежно.

Вы посмотрите, мы подверглись самому большому разгрому среди возможных полюсов мира. Демографически — сегодня говорилось, 700 тысяч мы будем терять в год в ближайшие годы. Если смотреть нынешнее противостояние, то против нас миллиард человек, очень сильные державы. В годы Второй мировой войны страны оси это 300 млн, а мы входили в число полумиллиарда, антигитлеровская коалиция. Вспомним, естественно, что мы люди, пережившие геополитическую катастрофу и деиндустриализацию.

Поэтому нам придется включить, за счет чего мы сможем выжить, построить эту самую идеологию. Только включив на полную катушку (есть такое простонародное выражение) наше воображение, нашу смекалку. Если вы посмотрите на все остальные полюса мира — уже все как-то представляют — и восходящие, и старые — они страдают отсутствием воображения. Возьмите Китай. Что он предлагает? Да, большая экономическая сила, безусловно, все хорошо. Но это большой человек, или муравейник — вспомните, как его Ефремов описывал в «Часе Быка», в точности, еще с системой социального кредита.

А нам нужно построить такую цивилизацию будущего, которая, будучи очень привлекательной, включающей все то, что говорилось здесь, решает те вопросы, которые не решили ни англосаксы уходящие, ни поднимающийся Китай не собирается решать, ни Индия, ни Турция, никто. Нам нужно, безусловно, ввести новую индустриализацию в условиях разумного протекционизма, некую материальную основу мы должны иметь, чтобы на что-то опираться.

И эта новая индустриализация должна стать, как и в случае с Советским Союзом, созданием новой цивилизации, но несколько другой. Цивилизации солнца, творчества, роста,

развития, цивилизации мечты. Это то, что нас резко выделит из всего прочего мира, позволит компенсировать нам наш численный недостаток, наши огромные материальные потери, и может привлечь умы других по принципу «Делай как я». Мы, спасая себя, сами выступаем мессиями. Смотрите, следуйте за нами. Мы никому не навязываем, но смотрите, чего мы добились, великая русская цивилизация. Не российская, именно русская, я не боюсь этого слова.

Что это может быть? Здесь должно быть коллективное творчество. Здесь должны быть книги, картины, фильмы. Все, что можно здесь задействовать, нужно задействовать. Я для себя так думаю некими чертами, мазками грубыми, импрессионистскими. У нас будет новая наукоемкая индустрия. Но мы должны под нее создавать города будущего, футурополисы, усадебные футурополисы, о чем мы с Крупновым очень любим рассказывать. Это те города, где убита бюрократия, есть самоуправление. Вот тебе просторные жилища. А это основа для демографии.

А вот эти города будущего вокруг новых предприятий, где интеллект соединяется с производством, те самые наукоемкие производства. Вот и работа для отцов, основа жизни футурополиса. В этих футурополисах нет никаких мигрантов ненужных. Там нет бюрократии, там есть делократия. Это наслаивается на новую концепцию Советской власти, как мы называем ее, нейромир. Мы в свое время даже книжку написали «Будущее человечества» о системе этой власти, которая обеспечивает автоматическое преобладание большинства, умного большинства. Когда человек выбирает только тех, кого может контролировать, отозвать может.

Это фактически система демократического централизма, которая была в КПСС заявлена, но не осуществлена, когда ты на каждом новом уровне все более интеллектуальные сливки, деловые вперед двигаешь. И вот я думаю, тут третий штрих. Я мечтаю о сплоченной нации, нации-сверхорганизме, сверхразумном организме, некоем коллективном организме, который не на словах, а на деле является единым сверхтворческим организмом, который рвется в будущее. И в этом будущем, пожалуйста, вот вам футурополис, вот малая авиация, вот вам и звездолеты.

Наша традиция и инноваторство, модерн или сверхмодерн не противоречат друг другу, они органически здесь сплетены. Пожалуйста, я вышел из звездолета, или из гироплана, на котором прилетел, или циклолета — я называю реальные летательные аппараты — и пошел в русскую баню, там посидел в своем Китеж-тереме. Здесь все становится реальным, здесь все ложится в одно большое единство. И вот за счет этого мы решаем те вопросы, которые не решили другие цивилизации. Да, мы расширяемся свободно, у нас крепкие семьи, у нас решен вопрос демографии.

Причем, мы не вернулись в избы, мы не вернулись в архаику, мы летаем в космос при этом, и развиваем самые прорывные технологии, самые безумные проекты мы можем воплощать. А воплощая, втягиваем в себя гениев и ресурсы всего мира. Мы в свое время мечтали с покойным Сергеем Кугушевым, когда писали третий проект, о цивилизации

Китежа — не Третьего Рима даже, а именно Китежа, цивилизации, основанной на чуде, на стратегии чуда. Вот то, что я и пытаюсь делать.

А почему здесь надо включать коллективное творчество? Один человек с этим не справится. Должен работать некий супермозг из множества людей, из множества творцов, каждый из которых приносит свой кусочек мозаики в эту громадную картину. А имея такую сверхидеологию, новый катехизис напишете, краткую историю ВКП(б) просто и доходчиво. Спасибо, друзья.

Маринэ Восканян: Сейчас нашего следующего спикера хотел бы представить Андрей Борисович, а я хотела бы только сказать, что очень много вопросов есть к очень интересным, глубоким выступлениям наших спикеров. Я попробовала даже их все сформулировать в один вопрос, но я задам его после того, как Андрей Борисович передаст слово нашему последнему выступающему.

Андрей Кобяков: У нас не все идет, как было запланировано, но тем не менее, я пока придерживаюсь плана. И так как отрекламировал книги наших коллег, позволю себе отрекламировать и нашу книгу с Маринэ Восканян. Она вышла в 2021 году, но была уже готова, полностью написана к декабрю 2019 года. И только пандемия, и связанные с этим ограничения, отложили выход этой книги.

Это важная справка, потому что в заключительной части этой книги мы решили заключение не в виде каких-то выводов из всего изложенного, а в виде сценариев изложить.

К сожалению, должен сказать, что сценарии в 2019 году мы присмотрели такие, что когда мы прошлый год только удивлялись, как же это мы так на три года вперед посмотрели с такой... Это был один из трех сценариев, он и начал реализовываться. Равно как и есть опасность, и есть в то же время и надежды на определенный позитивный исход

И тут я понимаю, почему так много критических слов сказал Михаил Витальевич относительно того, как оно есть и как оно на самом деле должно было бы быть.

Мы пытались в своей книге тоже этого вопрос коснуться. Во-первых, куча параллелей сегодня возникает в рамках сегодняшнего круглого стола, о которых мы совершенно не сговаривались и которые просто говорят о том, что видимо у этого сообщества, которое здесь сегодня представлено, во многом в близком направлении работает направление мысли. Смотрите, я не знал в тот момент, когда мы искали название для собственной книги, ее идею про книгу Александра Владимировича. Мы назвали свою книгу «Социальный консерватизм». Он хотел ее назвать «Социальный традиционализм». Далее он говорит, что его вдохновляла идея соединения левого и правого. У нас подзаголовок нашей книги — «Выход из конфликта левых и правых идей». Мы абсолютно писали эти труды отдельно, понятно, что и содержание этих книг самостоятельно совершенно.

Но в общем-то идея заключалась примерно в том же. Мы хотели предложить, я модное слово использую, оно не всем понравится, но мне оно в данном случае нравится хотели найти некую фьюжн-идеологию, потому что уже существующие измы устоявшиеся

обладают некой окостенелостью. Эти левые идеологии равно, как и правые идеологии сформировались совсем в иной реальности. И их классические направления не позволяют находить подчас ответы на многие современные вопросы. А их извращенные превращенные варианты занимаются какими-то аспектами, которые очень далеки от актуальных проблем человечества. Те же самые проблемы трансгендеров, воинствующего экологизма и так далее. Если брать левые идеи в правом спектре, там свои есть заморочки.

Но получается, что ни левый, ни правый, во-первых, не дает исчерпывающий ответ. Во-вторых, искусственно во многом сталкивает конструктивно мыслящих людей в необходимость придерживаться полностью всей этой парадигмы мышления. Раз ты находишься в левой парадигме, ты должен тогда выступать, предположим, за справедливость, но должен тогда считать, что вопросы национальной идентичности даже не второстепенные, а, может быть, даже и вредны. Если ты стоишь на каких-то позициях на разумных умеренно-правых или право-консервативных позициях, ты понимаешь, что национальная идентичность, вопросы соотношения личности и народа, личности и власти и так далее, определенной иерархии, тогда ты вроде как, в разных, конечно, консервативных традициях, по-разному, должен отвергать хоть какие-то идеи равенства. Мы не говорим про равенство как под гребенку чисто арифметическое, но некое стремление к большей выровненности в таком случае мы должны избегать.

Придерживаясь какой-то одной из этих крайностей, мы обязательно не найдем многоцелостного ответа для современности, поэтому мы пытались это в своей книге преодолеть.

Второе: в этой книге очень значительный кусок посвящен экономической программе. И прежде всего стратегическим принципиальным основаниям. Повторяю, многие тезисы могут показаться кому-то спорными или дискуссионными, но это позиция, которая у меня сформировалась уже на протяжении нескольких десятилетий. Еще в 90-е годы, в 1996 году я уже защитил диссертацию на тему «Государственный протекционизм в рыночной экономике», у меня сложилось четкое представление о необходимости программируемого развития. Это, во-первых. Во-вторых, представление – сегодня уже упоминался мир экономики Браделя – о том, что всего пяток государств на земном шаре могут себе позволить квази-замкнутую экономику, уйти от зависимости от мировой конъюнктуры, при этом имеется у них и достаточная территория, которая богата полезными ископаемыми и всевозможными ресурсами, возобновимыми и невозобновимыми, обладает значительным населением, что означает возможность укомплектовать максимально и диверсифицировано все отрасли современной промышленности и экономики. И наконец достаточно емким внутренним рынком, чтобы обеспечить те масштабы производства, которые соответствуют современному уровню производительности и эффективности, поскольку эффективность во многом зависит от масштабов производства. Это некая аксиома.

Так вот Россия этим всем обладает. И ложная, абсолютно ложная модель была вброшена еще в конце перестройки и в начале наших реформ, что Россия должна строить открытую экономику, открытую всем ветрам, абсолютно не замкнутую, встраиваться в глобальные цепочки стоимости. Все это якобы во имя некой эффективности в ущерб, как мы с вами понимаем, истинному суверенитету, безопасности и так далее. То, что кажется эффективным в точке, в конечном итоге оказывается крайне неэффективным в экстремальных ситуациях, поэтому исходить из этого примитивно понимаемого «принципа эффективности» абсолютно нельзя, когда мы планируем существование страны как Россия.

Как впрочем то же самое относится к Китаю, то же самое относится к Индии, то же самое во многом относится к Бразилии, то есть к крупным странам или к их достаточно органичным объединением. Потому что если возьмете современный Европейский союз, каждая отдельная страна типа Германии или Франция обладает очень высокой долей экспорта и импорта в своей экономике, но этот экспорт крутится внутри самого Европейского союза. Если возьмете внешние связи ЕС с остальным миром, на них приходится всего 9,5% по отношению к суммарному ВВП Евросоюза. То есть 90% с лишним экономики работает само на себя, и то, что производится и потребляется в этой же системе. Примерно такие же цифры вы увидите, если правильно посчитаете по паритету покупательной способности экономику Китая. Примерно тоже было в лучшие времена существования США до их деиндустриализации и так далее. То же самое мы видим в Индии даже в еще большей выраженной степени.

Это не значит полная автаркия, мы никогда не сможем на своей территории эффективно производить бананы или ананасы, они не растут. И хлопка – у нас нет для этого достаточных земель и так далее, он будет предмет нашего обмена. Но тем менее максимально самодостаточности достигнуть необходимо, и это вопрос действительно выживания нашей страны.

Я уже взял на себя очень много по времени, но все-таки хочу сказать, что тут залетела «птичка».

Маринэ Восканян: Я буквально, раз уж мы незапланированно заговорили о нашей книге, я хотела бы сказать, что хотя вы сказали, что два соавтора, на самом деле все-таки ее такими родителями являются три человека.

Андрей Кобяков: Удивительная семья у нас.

Маринэ Геворгян: Действительно огромный вклад и можно сказать застрельщиком этого дела был известный предприниматель Андрей Александрович Бережной, который давно является другом, соратником Московского экономического форума. Я его сегодня видела, если он в зале, то я хотела бы выразить ему благодарность и за поддержку, и я вспоминаю часы этих разговоров, когда мы что-то обсуждали, что только подчеркивает тот тезис, который я уже упоминала, что у нас в стране люди, независимо от своей основной профессии, болеют за это дело, пытаются найти образ будущего, идеологию для страны.

Андрей Кобяков: Так и должно быть в здоровом обществе. И так, у нас неожиданный гость. У нас планировалось первоначально шесть участников, но, к сожалению, Алексей Чадаев на сегодняшнее мероприятие прийти не мог. Мы думали, что нас осталось пятеро, и вдруг неожиданный сюрприз, как та девушка на краю болота возникло прекрасное создание Карине Александровна Геворгян. Я не знаю, готовились ли вы к участию в нашей идеологической сессии, но я уверен, что вам есть, что сказать. Пожалуйста, вам слово.

Карине Геворгян: Спасибо относительно образа будущего. С моей точки зрения я та Баба Яга, который готов быть чуть-чуть против. Я помню на одном семинаре, посвященном проблемам археологии, очень маститые археологи рассказывали довольно интересную штуку, что слои, которые свидетельствуют о восхождении тех или иных древних цивилизаций, там в письменных текстах, которые обнаруживались, были эпосы, героические эпосы. А как только эта цивилизация еще не знала, что она на закате находится, очень много обнаруживалось предсказаний и поисков образа будущего, поэтому с этими делами надо быть очень осторожными с моей точки зрения. Есть ли и может ли – иногда это может скатиться к тому, что это будет очередным маркером деградации общемировой цивилизации.

Если все-таки рисовать некий светлый образ, то изначально с моей точки зрения необходимо ободряющее онтологическое основание, которого пока еще нет ни у кого. И это основание должно быть оформлено в новые символы и образы. Это тоже пока нет, я не наблюдаю эту. И даже попыткой серьезной пока еще не проявлено. Не знаю, может быть, я это пропустила. Я готова принять критику в свой адрес.

Для того чтобы высвободить социальные энергии, которые необходимы для осуществления мотивации, а мы с вами с дивана не встанем, если у нас с вами нет мотивации, мотивации материальной и нематериальной. Есть еще кое-какие позиции мотивация, но тем не менее ничего человек, человечество, народы, элиты не будут делать, если в центре сознания не будет соответствующих мотиваций. Эти мотивации между прочим формируются как раз с теми самыми смыслами, той самой онтологией, о которой я сказала. Она может быть ободряющей, а может быть очень уныло, заметьте.

Здесь надо быть чрезвычайно осторожным и начинать нужно, мне кажется, именно с этого ободряющего, как я сказала, онтологического основания и его создания, надо его увидеть. Сейчас, я считаю, и это очевидно, и я очень благодарна, потому что я прочитал эту книгу, для меня это очень серьезный шаг вперед, и именно в вашей вашей книге очень много новизны. Почему, потому что вы предлагаете то, что назрело и совершенно очевидно в нынешних сверхсложных условиях, когда в связи с попытками решить те или иные... избавиться от проблем, перевести их в разряд задач, мы видим как на пути мультиплицируется проблемы одновременно.

Любой пример бери: хоть финансовую систему мировую, хоть специальную военную операцию и так далее, все время идет мультипликация проблем. А это означает, что необходимо формировать все-таки группы, я уж не знаю, вбрасывать и как-то доказывать,

что необходимы междисциплинарные исследования. Причем настолько междисциплинарные, что финансист и лингвист будут сидеть за одним столом, и им будет, что обсуждать, потому что нужно сплавить воедино и осмыслить, и придать некую идеологическую форму этим факторам, чтобы понять, а чем мы владеем.

Потому что кроме всего прочего у меня есть одно замечание. Я всегда знала, что если мы находимся в стадии перехода, а это, наверное, все как-то тревожно понимают, то я понимаю, что надо забыть об устойчивости, потому что развитие неизвестно включает в себя неустойчивость. Развитие и устойчивость – это оксюморон. Понимаете, устойчивое развитие оксюморон это белая ворона, это черный снег или горячий снег, это как угодно. Поэтому не может быть устойчивого развития. По-английски это немножечко по-другому семантически звучит, точно так же, как... Извините, я уж просто это мой анамнез, я по базовому образованию...

Андрей Кобяков: По-английски – это не stable, а sustainable, то есть состоятельное развитие.

Карине Геворгян: У нас говорят цифровизация, а ведь как назовешь корабль, так и поплывет. А там дигитализация. А что такое дигитал – это перстень, это палец. Это совершенно... А цифра – это ноль. То есть если переводить на русский язык, на простой, извините, тетя Поля, у которой мы в Подмосковье молоко... Как ей объяснить про цифровизацию, она меня спросит, а что такое цифра? В данном случае это слово-то иностранное, что имеется в виду? Я ей скажу, что это обнуление. Вот как это переводится.

Надо быть очень осторожными со словами. Я же сказала об этом онтологическом основании, и если мы будем называть неправильно, не туда и поплывет. Но я не хочу узурпировать время. Мне кажется, я так пламенно выступила. По сути, мне добавить особо нечего, потому что я считаю, что мотивации эти не сформированы, что в старые мехи не наливают новое вино, вино еще не созрело. Гнать процесс «химически», искусственно, с моей точки зрения, не стоит. Эти смыслы должны вызреть. Может быть, в недрах таких междисциплинарных групп. И я уверена, что – обращаюсь немножечко к сфере лингвистики – не забывайте, что русский язык – язык синтетический, и наш мозг, который привык к этому вокабуляру, к этой грамматике и так далее, мы более расположены к синтезу даже, чем анализу. Это любопытная довольно штука. И я думаю, что здесь как раз мы с вами в России впереди планеты всей. Мы можем оказаться именно благодаря способностям нашего, извините, неокортеса и его привычки говорить на русском и думать на русском языке.

Это довольно любопытный момент, поэтому для таких междисциплинарных групп, даже в том числе, как я сказала, нужны психиатры социальные и психолингвисты. На сегодняшний день многие общества и наше общество не сильно, но все-таки автоматизировано. Находится под воздействием фрагментарных тоталитарных идеологий. Это лечится известной методикой как реабилитировать людей, подвергшихся воздействию

тоталитарных сект. Это, пожалуйста, просто хрестоматийная картинка – современная Украина.

Но интересно, что они долгие годы находились и десятилетия под этим воздействием, а когда я консультировалась со специалистом по социальной психологии, я так приуныла, говорю: «Как же так, это прямо свидетельствует о том, что это прямо поведение людей из тоталитарной секты. Их же долго обрабатывали, а лечить их, наверное, так же долго». И вдруг он мне сказал очень ободряющую вещь. Он сказал: «Года три, лет пять». Это довольно несложный процесс, но нужны специалисты, их уже сейчас надо готовить, потому что последний эпизод с этой девушкой Треповой, которая взорвала, оказалась террористкой. Это же показатель. Это отдельная секта, причем секта достаточно считающая себя элитарной. И в нашем обществе. И с этим надо работать.

Нужно понять сейчас... Я прошу прощения, что я об этом говорю. Но нужно подчищать, как-то обозначить эти проблемы, а с ними можно работать. Нет проблемы даже перевербовать таких, как она, потому что нужно поинтересоваться сейчас на допросах, какие книжки она читала в детстве, какие герои у нее были, и все станет ясно. И нужно заменять одно другим, а не пытаться бюрократическими методами навязать патриотическое воспитание. Из этого не вырастет образа будущего, в этом нет энергии.

Андрей Кобяков: Спасибо, Карине Александровна, вы как минимум обогатили наш сегодняшний круглый стол правильной идеей необходимостью междисциплинарных групп. Некоторый опыт в этом отношении есть, несомненно, у вашего коллеги справа, у Сергея Борисовича, он многие годы руководил подобными группами. Но я думаю, что и сама площадка МЭФ в некотором смысле является прообразом, может быть, не столь сплоченным и не постоянно действующим, но все в наших силах. Марине хотела несколько слов.

Марине Восканян: У нас действительно вопрос, на который я хотел бы попросить ответить кому из наших спикеров покажется интересным ответить на него. Он у меня был изначально, но когда я услышала выступление Сергея Борисовича, я поняла, что эту тему нам уже не обойти. Вы упомянули, что две из трех онтологий, если очень грубо сказать, поклонение природе и поклонение науке и технике, я очень огрубляю вашу мысль, но тем не менее, в них в конечном счете в центре стоит все-таки не человек. И мне кажется, что мы сейчас наблюдаем, это, Максим, в вашу сторону тоже ремарка. Вот вы говорите, что у других нет привлекательных образов будущего, у полюсов мира. Я с вами не соглашусь. Может быть, это нельзя сказать, что это конкретный полюс предлагает, но мы наблюдаем, что сейчас очень даже есть концепция будущего, которая выглядит очень привлекательно, особенно в глазах молодого поколения. Эта концепция, в которой просто нет человека. Да, будут развиваться у нас и биотехнологии, и будут развиваться технологии искусственного интеллекта, и все что угодно, потому что человек, признан, что он не годен, он не нужен, он все хуже делает. Он хуже, чем техника что-то умеет делать, у него и руки, и ноги не такие, как если бы к нему биопротезы приделать.

Понимаете, ведь это кажется, что это просто следствие некой очарованности развитием техники, но в основе стоит совершенно другое, возможно, даже неосознаваемое теми, кому это так нравится – идея о том, что не человек является той центральной частью, вокруг которой крутится представление об идеологии, об образе будущего. Я отдельно обхожу тему религии, потому что религия связана с человеком, она часть человеческого социума. И здесь вопрос, что вы думаете об этой идеи, что сейчас так продается лучше всего идея, что человек-то, по большому счету, не очень-то и нужен в том виде, в каком мы его знали. Уважаемые коллеги, кто хотел бы прокомментировать?

Карине Геворгян: Марина, можно маленькое замечание? Вы абсолютно правы, но не человек в его традиционном понимании. Тот самый феномен человека Пьера Тейяра де Шардена, а симулякр человека как раз стоит в центре всего этого. Условно тот же трансгендер – это симулякр, это копия с несуществующего оригинала.

Андрей Кобяков: Понимаете, возникает интересное противоречие. С одной стороны, это культ прогресса, который выше самого человека, а с другой стороны, он ведет в конечном итоге к деградации самого субъекта.

Карине Геворгян: Это под прогрессом.

Андрей Кобяков: Сергей Борисович хочет.

Марина Восканян: Да, Сергей Борисович. Кто-то, может быть, еще потом хотел бы.

Сергей: Пока готовятся, я начну. В свое время произнес такую фразу, я с удовольствием сейчас повторю. Я столько слышу про умный город, умную квартиру, умное производство, некоторые даже договариваются до умного университета, и все только для того, чтобы не иметь дело с умным человеком. А если серьезно, у нас, к сожалению, все субъектные, объектные подходы приводят к нечеловеческому будущему. Оно, может быть, недочеловеческим, сверхчеловеческим, рядом-с-человеческим, роботизированным, трансчеловеческим, но здесь нет человека. Но я должен сказать, что субъектно-объектный или предметный подход считается не самым адекватным для анализа хоть сколько бы сложных конструктов. Я уж не говорю про человека, про общество, про вселенную, но даже для анализа простой экосистемы это слишком простенький подход.

Другой вопрос, что системный подход выдает нам будущее человеческое, но крайне негативное, которое нам тоже не нравится, отсюда естественное желание... Я говорю сейчас о России, поскольку это значительная часть той работы, которая в России делалась с 20-х годов прошлого века. Это попытка найти версию будущего человеческого, и при этом позитивного. И как ни странно здесь я должен опять заговорить о правом и левом проектах, которые мы тут не так давно обсуждали. Во-первых, должен сказать, что и то, и другое проекты, а это значит, что у них есть начало и есть конец.

Второе: проектные решения всегда крайне неэкономные, они очень тяжелые для выполнения, поэтому к проектам люди приходят в критической ситуации, когда нормальное развитие уже более невозможно. И тогда получается, что разница между

проектами очень велика и очень невелика одновременно. Правый проект: все осознающая элита, власть, понимающая весь ужас положения, сознательно проектируют изменения себя и мира. Это бывает – Петр I очень хороший пример того, как это было сделано.

Второй вариант: иногда оказывается, что у общества хватает энергии, у него есть пассионарность, но элита уже не готова ничего менять и главное не видеть никакого позитивного хода. Тогда меняют элиты – это левый проект. Неуправляемые реформы, но тоже в надежде на иной образ будущего, на его отыскание иногда в процессе реформирования. И тот, и другой процесс всегда имеет дедлайн – всегда надо вовремя заканчивать.

Но здесь есть еще одна очень важная деталь. Правый проект, как правило, конструируют социальные двигатели. Они организуют огромную работу, но за счет сжигания людей, не в физическом смысле, а сжигается пассионарность, творческое начало. За счет этого общество делает колоссальный рывок. Левый проект, и в этом его самое интересное свойство, – это попытки провести такой же рывок без разрушения людей, чем он и крайне интересен.

И не случайно, большинство конструкций российского будущего связано все-таки с антиэнтропийным левым проектом. Проектом, базовая задача которого не наращивать ненависть, не наращивать страх, не наращивать социальные страдания. Запад считает, что этого сделать невозможно в принципе. Христианство, здесь я вернусь в онтологии Бога, говорит, что это не только возможно, но и абсолютно необходимо сделать. Россия сейчас пытается найти свой путь в этом лабиринте между двумя полюсами правого и левого.

Маринэ Геворгян: Александр Владимирович, после такого выступления нельзя не дать слово вам.

Александр: Как известно, самый интересный объект для изучения, описания, рассмотрения – это человек. Нет ничего интересного человека. Почему? Потому что человек создан по образу и подобию Божию. Бога изучать очень сложно, можно, и такие попытки делаются всегда, но это очень сложно. Человека изучать тоже сложно, но чуть-чуть легче. Карине совершенно неожиданно перевела нашу беседу в религиозное русло, ракурс, вспомнив тоталитарные секты. В этом узком кругу похвастаюсь, что 30 лет назад я и придумал этот термин – тоталитарные секты.

Дело в том, что религиозное пронизывает всю нашу жизнь, хотим мы этого или не хотим, верующие или неверующие, молимся или не молимся. Это религиозное присутствует всегда, поэтому если говорить в пределе, то образ будущего – это тысячелетнее царство, описанное в Евангелие. Мечта такая, коммунисты-то просто попытались перефразировать.

А с человеком все очень сложно, потому что у нас появилась наука. Иногда своим студентам я прямо говорю, что это лженаука – психология, потому что мы пытаемся изучать человека в отрыве от его религиозной составляющей. Чем занимается психология, поэтому

психология, как правило, приводит в тупик тех, кто пытается использовать ее даже в практически каких-то целях.

А существует целая наука и достаточно разветвленная под названием православная антропология. Есть очень интересные книги, которые описывают, а как же мы с вами устроены: наша мотивация, наши поступки, куда мы стремимся, как мы устроены, как устроены мужчины, как устроены женщины. Это сейчас выведено за скобки академической науки. И в этом, не только это, я сейчас говорю о православной антропологии, но религиозное выведено в теологию. Мы с невероятным трудом добились возвращения теологии как научной дисциплины, ее теперь поставили в ряд с философией, с той же социологией, политологией и историей, но, по сути, она еще не вернулась.

И поэтому если мы не начнем очень серьезно академически заниматься тем, что называется богословие, мы не сможем выстроить эти образы будущего, не понять, а какая же все-таки идеология, какая будет цель, потому что мы очень многое научились делать, но часть нашей жизни внутренней нам недоступна. Мы не понимаем, даже повторю, как мы сами устроены. Мы знаем про тело и душу и ничего не знаем про дух или знаем очень мало. И из-за этого мы можем приходить к ней неправильным выводам.

Если вы заметили, я в первом своем выступлении сознательно не трогал религиозную проблематику вообще, но Карине она как-то весела и вывела.

Андрей Кобяков: Спасибо, Александр Владимирович. На самом интересном месте, к сожалению, наше время уже давно истекло, я вижу технических сотрудников.

Маринэ Геворгян: Так как мы начали на десять минут позже, так что, может, Андрей Борисович, мы позволим себе пару слов еще дать нашим спикерам? Тогда очень жестко, пару слов.

Михаил Переслегин: Марине, просто вопросы, которые вы ставите, для философской беседы длительной, многочасовой в широких креслах с коньяком. То, чем мы не располагаем. Я в качестве ощущения резюме этой беседы хочу сказать два слова. Мне очень понравилась идея Карине о том, что поиски образа будущего – это плохой симптом с точки зрения жизнеспособности цивилизации. Может превратиться в плохой симптом. И мне кажется, нужно говорить о том, что нужно искать не образ будущего, а привлекательный образ себя. Сартр говорил, что человек – это проект самого себя, не наш философский герой, но фраза хорошая. Нужно найти привлекательный образ себя, который нам понравится – правильно говорил Борис Акимов – и которому мы захотим соответствовать.

Мне кажется, что для нас этот образ себя можно построить на базе идеи цивилизации базовых ценностей. Запад сегодня строит антиутопию и дает нам прекрасную подачу, возможность построить этот образ себя от противоположного. Условно говоря, базовые ценности здоровья и образования вместо искусственной гонки потребностей, которые представляет собой современная экономика, энергия вместо денег, деривативов, собственность вместо

шеринговой экономики, вещи, которые могут служить долго, вместо вещей, которые нужно менять каждый сезон, потому что так задумал производитель. И человекосоразмерность, Марине. Придумать цивилизацию человекосоразмерную, точнее построить, и одновременно технологического состоятельную будет невероятно сложно, потому что развитие биотехнологии, развитие искусственного интеллекта будет все страны, всех лидеров развития толкать в противоположную сторону, толкать по дороге от человека, поэтому если нам удастся формулу как-то найти, то это будет цивилизационная миссия России.

Андрей Кобяков: Спасибо.

Максим Калашников: Я считаю, что образ будущего без человека не имеет будущего. Это понятно. Строить образ будущего нужно, потому что нам очень мало, извините, слышать речи о том, что нам нужна традиционная семья, нам не нужны родитель 1 и родитель 2, мы должны праздновать 9 мая. Все это, ребята, воспринимается в мире как старое. Все, нам нужно идти вперед. Нам не надо бояться создания человека следующей ступени эволюции. Мы будем в следующей степени эволюции, нам надо делать это сознательно. И заключение: мы сейчас попадаем в состояние осады, мы в привычной жизни лишимся очень многого, но, если мы лишились «Мерседеса» или же смартфона, дай людям что-то взамен более привлекательное, и это перебьет враждебный образ будущего.

Андрей Кобяков: Спасибо. Борис Алексеевич. Вы про территорию скажите, а то как-то мы все ищем пути ввысь, влево, вправо, а мы живем в огромной стране.

Борис Акимов: И ввысь, и одновременно очень практическая. Одна из любимых тем, когда люди рассуждают про будущее, – профессия будущего, какая профессия будущего, например, айтишник, что-то такое. Айтишник вроде бы уже профессия нынешняя, а много бы факторов, может быть, пока еще мало заметных, но тем не менее которые встречаются лично в моей жизни. И сейчас мы все стали свидетелями этого, что профессия будущего для человека – это философия. Я думаю, что это роботы у нас не отнимут в любом случае, будем философствовать, если что.

Андрей Кобяков: Спасибо всем, спасибо вам за внимание. Хочу также отрекомендовать через уже теперь 20 минут круглый стол, который я буду модерировать в малом зале, посвященных геополитическим проблемам, а также отрекламировать круглый стол завтра, который будет проводить моя коллега Марине Восканян. Круглый стол, посвященный постсоветскому пространству. Если эти интересы наши и ваши совпадают, будем рады вас видеть. Спасибо всем еще раз за внимание.

Марина Геворгян: Спасибо, всего доброго.

Андрей Кобяков: Извините, что немножко отняли вашего времени от перерыва.